Эмоциональный опыт K*

Джеймс Фишер

- доктор философии,
- ведущий аналитик по обучению и супервизии в ICP

В данной статье автор поднимает вопрос об эмоциональном опыте *K* (*K-knowledge*) в схеме аффективных связей Биона (*L-love, H-hate* и *K-knowledge*), предполагая, что *K* является эмоциональным опытом переживания любопытства. Он исследует роль, которую Бион отвел любопытству в своих работах «О высокомерии» и «Атаке на связи», и выдвигает гипотезу о том, что в книге «Научение через опыт переживаний» Бион ввел более сложное понятие «*K*», заменив им «любопытство». Таким образом, автор рассматривает Бионианскую схему аффективных связей как одну из версий описания опыта, но не в терминах инстинктивных импульсов, как предложил Фрейд, а переосмысленную в терминах эмоционального опыта. В связи с этим, автор утверждает, что основную дихотомию Фрейда – напряжение между принципом удовольствия и принципом реальности – можно

* Международный журнал психоанализа, №87(5), сс. 1221–1237.

STUDY ROOM
LIVING ROOM
DEPOSIT
LAUNDRY ROOM
HOUSEKEEPING ROOM

расценивать как дихотомию напряжения между эмоциональным опытом *L/H* и эмоциональным опытом *K* в аффективной схеме связей Биона. Это подразумевает, что потенциальное напряжение между *K* и *L/H* имеет решающее значение для того, что происходит в консультационном кабинете аналитика. Наконец, автор аргументирует, что контейнирование, как динамика развития, является выражением «*K-состоянием-психики*», а следовательно, контейнер является «*контейнером-в-K*». Он также приходит к выводу, что одним из важных аспектов того, что Бион назвал «*минус-K*», является атака на *K*-состояние-психики в результате вторжения *L/H*, и влечет за собой «загрязнение» импульса к познанию, а также доминирование *L/H* над *K*.

Ключевые слова: *любопытство, L, H и K, контейнер-в-K, эпистемофилический инстинкт, принцип реальности, минус-K*

ВВЕДЕНИЕ

Бион предложил схему аффективных связей «*L, H* и *K*», всем нам хорошо известную, и, по его словам, отражающую эмоциональные взаимоотношения: X любит Y, X ненавидит Y, и X знает Y (1962b, pp. 42-43). Я думаю, что это одна из попыток Биона использовать абстрактные обозначения, которая наиболее доступна для понимания. На мой взгляд, она является чрезвычайно важным вкладом как в нашу клиническую практику, так и в психоаналитическую теорию. В данной работе я исследую то, что для Биона означает говорить о *K* как об *эмоциональном опыте*. Хотя исследование начинается с довольно простых наблюдений, выводы, сделанные из них, способны бросить вызов некоторым фундаментальным гипотезам в психоанализе.

Размышляя об *L, H* и *K,* как об эмоциональных связях, я интуитивно ощущаю, на что могут быть похожи эмоциональные переживания, обозначаемые как *L* и *H*. Но что не дает мне покоя, так это идея о том, что *K* – это тоже эмоциональная связь. Безусловно, существуют эмоции, связанные с опытом познания кого-либо или чего-либо. Но если *K* представляет собой эмоциональную связь, сравнимую с *L* или *H*, то опыт *познания кого-либо или чего-либо* должен выражать некое эмоциональное переживание, которое можно поставить в один ряд с опытом *любви к кому-либо или чему-либо* или опытом *ненависти к кому-либо или чему-либо*. Мне кажется, что я знаю, как ощущается любовный порыв, а также импульс ненависти. Но как ощущается импульс к *познанию*?

Автор рассматривает Бионианскую схему аффективных связей как одну из версий описания опыта, но не в терминах инстинктивных импульсов, как предложил Фрейд, а переосмысленную в терминах эмоционального опыта.

Позвольте мне поделиться тем, что я считаю убедительным и, судя по всему, простым ответом. Это *эмоциональное переживание любопытства*. Мы все, конечно же, хорошо знакомы с эмоциональным переживанием любопытства и осознаем его потенциальную интенсивность, когда, например, слышим первую часть истории и обнаруживаем, что не можем

успокоиться, пока не узнаем, чем же она закончилась. Или, когда пытаемся удержать маленького ребенка от того, чтобы он открывал все подряд, что ему кажется можно открыть. Вся индустрия мыльных опер держится на универсальности и силе эмоционального опыта любопытства.

Но один из второстепенных вопросов, который тем не менее не дает мне покоя, заключается в том, что слова, доступные для описания феномена, который я называю любопытством, кажутся такими неподходящими. Например, сам термин «любопытство» имеет удивительно неоднозначную историю в нашем языке, и часто используется для обозначения чего-то, что в лучшем случае имеет лишь косвенное к нему отношение, как это можно обнаружить при беглом просмотре Большого Оксфордского или любого другого подобного ему словаря. Мой опыт говорит о том, что «любопытство» не является самым подходящим термином, но, вероятно, будет приемлемым для этой статьи. Судите сами, с одной стороны, такие синонимы к слову любопытство, как *заинтересованность* или *заинтригованность*, а также некоторые прилагательные и причастия, например, *внимательный*, *пытливый* или *вопрошающий,* в какой-то степени передают тот смысл, который я имею в виду. Но, с другой стороны, у «любопытства» есть и такие синонимы, как *назойливый*, *сующий свой нос* или *подглядывающий*, которые демонстрируют дилемму неоднозначности этого понятия. Возможно, именно поэтому Бион решительно отказался от использования термина «любопытство», хотя приписывал ему основную роль в работах «О высокомерии» (1958) и «Атака на связи» (1959). Начиная с книги «*Научение через опыт переживаний*» (1962b), Бион ввел ввел более комплексное понятие *K,* заменив им термин «любопытство».

> Мне кажется, что я знаю, как ощущается любовный порыв, а также импульс ненависти. Но как ощущается импульс к познанию?

Я хочу подчеркнуть, что не считаю, что понятия *K* и «любопытство» взаимозаменяемы. Все гораздо сложнее. Возможно, мне следует сказать, что я исхожу из предположения, что с точки зрения инстинктивных[1] импульсов, *K* (познание) связано с любопытством (импульсом любопытства) точно также как *L* (любовь) связана с ощущением удовольствия (импульсом удовольствия, импульсом притяжения), а *H* (ненависть) связана с ощущением боли (с болевым импульсом, импульсом отвращения).

Таким образом, я рассматриваю схему Биона «*L, H* и *K*» как одну из версий описания опыта, но не в терминах инстинктивных импульсов, как предложил Фрейд, а переосмысленную в терминах эмоционального опыта. Кроме того, я расцениваю основную дихотомию Фрейда – напряжение между принципом удовольствия и принципом реальности – как дихотомию напряжения между эмоциональным переживанием *L/H*

1 Здесь и далее термин «инстинкт» в переводе с английского соответствует термину “instinct”, термин «стремление» - “urge”, а термин «драйв» - “drive”. – Прим. пер. В свою очередь, «инстинктивный» в англоязычных психоаналитических работах чаще используется не в биологическом смысле, а соответствует фрейдовскому понятию «влечение». – Прим. науч. ред.

Любопытство не удовлетворяется тем, что заведомо ложно. В этой связи можно утверждать, что любопытство представляет собой «драйв к истине».

и эмоциональным переживанием *K* в аффективной схеме связей Биона. Это связано с тем, что Бион оспаривал предположение Фрейда о том, что принцип реальности следует за принципом удовольствия. Бион предполагал, что эти два фундаментальных принципа психического функционирования сосуществуют параллельно и, как следствие, находятся в постоянном напряжении (1962b, pp. 29, 31). Это подразумевает, что потенциальное напряжение между *K* и *L/H* имеет решающее значение для того, что происходит в консультационном кабинете аналитика.

Это похоже на точку зрения Рональда Бриттона, который предложил рассматривать «драйв к познанию» (*Wissentrieb*) «наравне с любовью и ненавистью», а также, «как осложненное любовью и ненавистью, и слитое с ними, но не как производное от них» (2003, p. 90). Я еще вернусь к понятию *Wissentrieb* Фрейда и эпистемофилическому инстинкту, а пока хочу сделать еще одно предположение, которое послужит основой для наших дальнейших рассуждений.

Пока мы размышляем над тем, что такое опыт любопытства, я предлагаю обратить внимание на то, что этот опыт имеет примитивную логическую структуру «*если – то*». Как минимум, эта логика включает в себя идею о том, что любопытство не удовлетворяется тем, что заведомо ложно. В этой связи можно утверждать, что любопытство представляет собой «драйв к истине». Если мы принимаем за истину то, что, по нашему мнению, не является истиной, значит, что-то перекрывает наше любопытство. И тогда наше поведение регулируется уже не принципом реальности, а принципом удовольствия. Поэтому желая знать, что есть истина, я предполагаю, что любопытство является важнейшим импульсом принципа реальности. Также я предлагаю поставить в один ряд импульс к любопытству и импульс к удовольствию (импульс к избеганию боли), и рассматривать их в качестве двух фундаментальных импульсов человеческого развития.

Любопытство является важнейшим импульсом принципа реальности. Я предлагаю поставить в один ряд импульс к любопытству и импульс к удовольствию (импульс к избеганию боли), и рассматривать их в качестве двух фундаментальных импульсов человеческого развития.

Эти утверждения поднимают множество вопросов, которые выходят за рамки данной статьи. Я начну с кратких комментариев о взаимосвязи между Бионианским понятием *K* и упоминаниями «эпистемофилического инстинкта» в работах Фрейда и Кляйн, а также остановлюсь на результатах недавних наблюдений Бриттона и Гротштейна, но глубоко эти

метапсихологические вопросы исследовать в данной работе не буду. Вместо этого я сосредоточусь на том значении, которое интерпретация эмоционального опыта *К* имеет для нашего понимания функции и роли *контейнера* в отношениях «контейнер-контейнируемое», занимающих центральное место в нашей клинической работе. Я предполагаю, что *контейнирование,* как динамика развития, является выражением «*К-состояния-психики*», а следовательно, контейнер является «*контейнером-в-К*».

Контейнирование, как динамика развития, является выражением «К-состояния-психики», а следовательно, контейнер является «контейнером-в-К».

Это имеет важное значение для нашего понимания атаки на *К*-состояние-психики, которую Бион обозначил как *минус-К*[2]. В некотором смысле очевидно, что, если *L* и *H* перекрывают *К*, то это является потенциально опасным и неконтейнируемым процессом. Я хочу сказать, что то, что Бион назвал «*минус-К*», в своей основе является атакой на *К*-состояние-психики в результате вторжения *L/H*, и влечет за собой «загрязнение» стремления к познанию, а также доминирование *L/H* над *К*.

ЛЮБОПЫТСТВО, K-ИМПУЛЬС И WISSENTRIEB

Прежде чем рассмотреть то значение, которое *К*-связь играет в процессе развития человека, а также в психоаналитическом процессе, я хотел бы поместить размышления Биона о любопытстве и *К* в исторический контекст. Бион помогает нам обратить внимание на некий элемент, который всегда явно присутствовал в психоанализе, но не столь очевидно - в психоаналитической теории. Видимо, сам факт того, что психоанализ, если можно так выразиться, является проявлением *К*, затрудняет должное понимание значения «*К* -импульса».

Особенность психоаналитической сессии, в частности тот ее аспект, который устанавливает, что это именно психоанализ и ничто другое, заключается в использовании аналитиком всего материала для того, чтобы сфокусироваться на *К*-связи (Bion, 1963, p. 69).

И Фрейд, и Кляйн использовали понятие, которое можно рассматривать, как отражение *К*-импульса. Фрейд говорил о *Wissentrieb,* как об стремлении или драйве к познанию, об «инстинкте к знанию» (1905, pp. 194-7, 1913, p. 324) или об «эпистемофилическом инстинкте» (1909b, p. 245, 1916-7, pp.327-8). По мнению Фрейда, *Wissentrieb* – это прежде всего проявление инфантильного сексуального любопытства и сексуальных исследований маленького ребенка. Единственная работа Фрейда, в которой понятие любопытства играет важную роль, — это представленный им случай «маленького Ганса» (Freud, 1909a). Хотя в «*Трех очерках по теории сексуальности*» Фрейд писал, что стремление к познанию не ограничивается сексуальным любопытством

2 Здесь и далее термин «минус-К» в переводе соответствует термину “-К”, для исключения путаницы в символах. – Прим. пер.

и сексуальными исследованиями, он больше не обсуждал его ни в каком другом контексте, кроме того, что тесно связан с неврозом навязчивых состояний. В обоих случаях он видел импульс к познанию, по сути, как способ овладения чем-либо (1905, p. 194, 1913, p. 324).

Мелани Кляйн, в свою очередь, взяла эпистемофилический инстинкт на вооружение, что неудивительно, учитывая ее интерес к работе с детьми. Трудно представить, что можно работать в тесном контакте с маленькими детьми и не заметить любопытства, стремления к познанию, которое они проявляют. Кляйн уделяла стремлению к познанию намного больше внимания, чем это делал Фрейд, особенно в контексте изучения патологических последствий подавления любопытства. Несмотря на то, что она рассматривала эпистемофилический инстинкт в более широком смысле, чем сексуальное любопытство, она не считала его первичным стремлением или драйвом (1923, p. 435, 1928, 1930). Однако, в своей самой первой работе она описала тесную связь между стремлением к познанию и чувством реальности, что в терминах Фрейда неминуемо поместило его на самую раннюю стадию развития. Ее описание очень близко к моей точке зрения, за исключением того, что я бы описал «*K*-импульс» как врожденный, а не приобретенный.

Особенность психоаналитической сессии, в частности тот ее аспект, который устанавливает, что это именно психоанализ и ничто другое, заключается в использовании аналитиком всего материала для того, чтобы сфокусироваться на K-связи.

«Мне кажется, что в этом случае стремление ребенка к познанию, будучи более ранним и сильнее развитым, стимулировало его слабо выраженное чувство реальности и вынудило его, преодолевая склонность к вытеснению, убедиться в тех приобретениях, которые были для него столь новыми и столь важными. Эти приобретения и особенно ослабление авторитета, которое сопутствовало им, возобновили и так укрепили принцип реальности для него, что позволили ему ускорить прогресс в мышлении и познании, который начался одновременно с воздействием и преодолением ощущения всемогущества [выражение принципа удовольствия] (1923, p. 435).

Хотя мы можем увидеть некоторые связи между «*K*-импульсом» Биона и *Wissentrieb*, или эпистемофилическим инстинктом, тем не менее, они ограничены и указывают скорее на отсутствие адекватного концепта этого «драйва» в психоаналитической метапсихологии. Но меня больше интересуют так называемый «зазор в теории», пробел, в котором, как нам представляется, действует что-то вроде любопытства или «*K*-импульса». Я приведу лишь один пример. Фрейд не дал названия импульсу, который возникает в организме, когда обнаруживается, что галлюцинация удовлетворения разочаровывает. Его описание начинается с момента развития, в котором, по его мнению, все психические процессы управляются принципом удовольствия. Фрейд выдвинул

гипотезу о том, что если потребности и желания организма не удовлетворяются, то изначально желаемое удовлетворение будет галлюцинироваться[3]. Но в конечном итоге, никакие галлюцинации не приносят удовлетворения.

> Сам факт того, что психоанализ, если можно так выразиться, является проявлением К, затрудняет должное понимание значения «К -импульса».

«Лишь отсутствие ожидаемого удовлетворения, пережитое разочарование, привело к отказу от попытки получить удовлетворение с помощью галлюцинаций. Вместо этого *психическому аппарату пришлось принять решение сформировать представление о реальных обстоятельствах внешнего мира* и попытаться внести реальное изменение в них». (Фрейд, 1911, p. 219, мой курсив)

Мы настолько привыкли к этой картине, что нам сложно заметить в ней огромный пробел. На самом деле, у нее есть очаровательное качество «адультоморфизма»[4]. Мы видим, что психический аппарат, по сути, говорит себе: «Пора *решиться сформировать представление о реальных обстоятельствах внешнего мира*, поскольку галлюцинации не приносят никакого удовлетворения!» Я предполагаю, что это одно из мест, где основанная на инстинктах теория Фрейда предполагает нечто вроде импульса к любопытству. Здесь существует концептуальный пробел, если только мы не готовы отказаться от эволюционного представления о психике и заменить его неким (возможно, божественным) вмешательством, которое включает *желание познания*[5] в организм, стремящийся к удовольствию и избегающий боли.

Если мы предположим, что младенец функционирует под влиянием импульса любопытства, а также под воздействием импульса к удовольствию и к избеганию боли,

3 Идеи, изложенные Фрейдом в его работе «Толкование сновидений», более сложные и, на мой взгляд, только подчеркивают отсутствие «инстинктивного» импульса к любопытству (1900, pp. 565–567). Но об этом в другой раз.

4 Адультоморфизм (англ. adultomorphism) – это приписывание детям характеристик или целей взрослых. Например, Зигмунд Фрейд интерпретировал поведение детей в терминах психосексуального развития взрослых, используя такие описательные понятия как либидо, мастурбация, эрогенная зона и так далее – Прим. пер.

5 Я могу себе представить, что фрустрацию импульса, направленного на получение удовольствия или на избегание боли, можно объяснить как достаточное условие для поддержания мотивации организма в моменты фрустрации. Но сам Фрейд говорил об этом как о принципе реальности, который в итоге служит принципу удовольствия (1911, p. 223). Однако это оставляет без объяснения импульс, лежащий в основе принципа реальности. Важно отметить, что мое предположение, как и другие гипотезы, выдвинутые в данной работе, призывает к разработке соответствующих эмпирических исследовательских проектов, особенно в области раннего детского развития, для проверки его достоверности.

то я полагаю, что динамика развития будет заключаться в напряжении между соединением этих импульсов и их конфликтом. То есть, на каждом этапе развития младенца существует динамичное напряжение между «*K*-импульсом», который стремится к познанию, и *L/H*-импульсом, который направлен на получение приятных или избегания неприятных ощущений. Другими словами, это постоянное напряжение между принципом удовольствия и принципом реальности.

Я нахожу поддержку для этой версии психоаналитической теории во взглядах Рональда Бриттона, который предполагал, что стремление к познанию является независимым первичным инстинктом (Britton, 1998, p. 11). Бриттон писал:

«Как Фрейд, так и Кляйн, рассматривали *Wissentrieb* как составляющую одного из двух инстинктов: инстинкта жизни или инстинкта смерти. Я думаю, что проще рассматривать *Wissentrieb* наравне с любовью и ненавистью, и считать, что эпистемофилическое развитие сложно и объединено с любовью и ненавистью, но не происходит от них. Другими словами, я полагаю, что *драйв к познанию является врожденным инстинктом эго*» (2003, p. 90, курсив оригинального текста).

Можно даже пойти еще дальше и сказать, что *Wissentrieb* или *K*-импульс любопытства является инстинктом, лежащим в самом основании эго, тем, что изначально отличает эго от ид по мнению Фрейда.

Центральным для принципа реальности, а также тесно связанным со стремлением к познанию, является вопрос об истине. Одно из самых известных утверждений Биона заключается в том, что голод по истине сравним с физическим голоданием, в особенности, когда речь идет о лишении возможности познать истину собственного эмоционального опыта, что сравнимо с голодной смертью, поскольку истина необходима для психического здоровья (1962a, p. 310, 1962b, pp. 56, 100f). Джеймс Гротштейн (2004), в свою очередь, недавно сформулировал понятие «драйва к истине» на основе своего прочтения работ Биона. Однако, у нас под рукой есть уже что-то более обыденное, очевидное и простое, а именно, *любопытство*[6].

Конечно, любопытство не гарантирует нам того, что мы познаем истину. Но я хотел бы обратить внимание на очевидные вещи, а именно на то, что любопытство не удовлетворяется тем, что известно как ложь. Если я принимаю за истину то, что, по моему

6 Гротштейн предлагает свой гипотетический «драйв к истине» в качестве отсутствующего «седьмого слуги», ссылаясь на предисловие Биона к американскому изданию его четырех основных книг. Бион назвал это американское издание «Семь слуг» и сослался на «шестерых честных слуг» Киплинга: Что и Почему и Когда и Как и Где и Кто (Bion, 1977). Мы можем спорить об «отсутствующем», но, когда мы размышляем об импульсе любопытства, мы видим, что, на самом деле, эти шесть слуг являются слугами стремление к познанию, Wissentrieb, любопытства о том, что и почему, и так далее. А поскольку любопытство является неотъемлемой частью желания знать, а также желания познать истину, то шесть слуг, в сущности, выражают «драйв к истине». Учитывая, что это произошло за два года до смерти Биона от острого миелоидного лейкоза, я склонен верить ему на слово, когда он цитирует Киплинга о седьмом: «Но после того, как они поработали на меня, я даю им всем возможность отдохнуть».

Фрейд выдвинул гипотезу о том, что если потребности и желания организма не удовлетворяются, то изначально желаемое удовлетворение будет галлюцинироваться. Но в конечном итоге, никакие галлюцинации не приносят удовлетворения.

мнению не является истиной, значит, что-то перекрывает мое любопытство. И тогда мое поведение регулируется уже не принципом реальности, а принципом удовольствия. Любопытство, как желание познать то, что истинно (и, соответственно, то, что ложно), является неотъемлемым импульсом принципа реальности. Если подразумевать, что любопытство имеет логическую структуру «*если – то*», как я предположил, то его можно рассматривать как инстинктивную основу того, что мы называем разумом. Вероятно, нам предстоит реализовать крупный проект по созданию убедительных аргументов в пользу признания любопытства как элементарного импульса, параллельного импульсам удовольствия/боли, притяжения и отвращения. Но эта статья, очевидно, не место для решения такой сложной задачи.

БИОН И ЛЮБОПЫТСТВО

Любопытство, возможно, не является тем термином, который сразу приходит на ум, когда мы думаем о Бионе и о его вкладе в наше понимание психоанализа. Однако, оно играет исключительно важную роль в мышлении Биона в тот творческий период, когда он осознал, что проективные идентификации его пациентов являются примитивной формой коммуникации. В докладе «Отличия психотической личности от непсихотической», который Бион впервые представил в 1955[7] году, его рабочим предположением оставалось то, что не давало ему покоя со времен написания кандидатской статьи, а именно, что расщепление и проективная идентификация являются деструктивными атаками на вербальное мышление. Поскольку вербальное мышление, как он считал, «необходимо для осознания внутренней и внешней реальности» (1956, p. 346), подобные разрушительные атаки затрудняют коммуникацию между пациентом и аналитиком и даже делают ее невозможной. Это значит, что психотическим пациентам нужно как-то помогать находить способ восстановить их способность к вербальному мышлению.

Однако, в этой же работе Бион подвёл нас к любопытному феномену, который в заключении описал как «удивительный», «загадочный» и «обескураживающий». Это противоречило его исходному предположению о том, что атака на вербальное мышление,

7 Статья «Отличия психотической личности от непсихотической» была опубликована в 1957 году, но это была одна из двух тесно связанных между собой работ, впервые представленных в 1955 году. Первая, «Развитие шизофренического мышления» (1956), по сути, представляла собой черновик второй, и была прочитана на Женевском конгрессе в июле 1955 года. Вторая статья была представлена на заседании Британского Общества в октябре того же года.

«Лишь отсутствие ожидаемого удовлетворения, пережитое разочарование, привело к отказу от попытки получить удовлетворение с помощью галлюцинаций. Вместо этого психическому аппарату пришлось принять решение сформировать представление о реальных обстоятельствах внешнего мира и попытаться внести реальное изменение в них.

совершенная посредством проективной идентификации, являлась именно атакой на коммуникацию. Его психотические пациенты использовали примитивные довербальные способы мышления, которые, несмотря на то что были «изуродованы» проективной идентификацией, каким-то образом передавали смысл невербально. Он предположил, что, по всей видимости, пациенты весьма успешно коммуницировали с ним на «темы огромной сложности» через искусное «скопление» образов или «идеограмм». Бион назвал это *ловким трюком* (tour de force), отмечая, что это сопровождалось и другими улучшениями (1957, p. 274).

В некотором смысле мы можем рассматривать работу «Отличия психотической личности от непсихотической», особенно заключительный ее раздел, как пролог к другим, тесно связанным между собой работам: «О высокомерии» (1958) и «Атака на связи» (1959). Предположение Биона о том, что улучшение у пациентов было связано с «искусным скоплением ими идеограмм», долго его не удовлетворяло[8]. Так или иначе, в течение последующих двух лет Бион разработал новую теорию о том, каким образом его психотическим пациентам удавалось с ним коммуницировать. Фактически, идея о том, что проективная идентификация может включать в себя нечто большее, чем просто атаку на коммуникацию между пациентом и аналитиком, упоминалась также и Гербертом Розенфельдом в его ранних работах[9]. В статьях «О высокомерии» и «Атака на связи», впервые представленных в 1957 году, Бион создал концептуальную основу для идеи о том, что проективная идентификация может функционировать как форма примитивной коммуникации. Это настолько хорошо известный факт, что я не считаю нужным здесь его пересматривать. На что я действительно хочу обратить внимание, так это на то, каким образом понятие *любопытство, как* явно, *так и* косвенно, соотносилось

8 Это одна из тех идей, которую Бион мог бы плодотворно реализовать тем более что понятие идеограмм или образов могло сыграть важную роль в адкватном описании истории развития основ мышления, а, следовательно, и форм расстройств мышления, как у психотических пациентов, так и у психотических частей личности более эффективно функционирующих пациентов.

9 В 1952 году Розенфельд писал: «По моему мнению, бессознательное интуитивное понимание психоаналитиком того, что передает ему пациент, является существенным фактором во всех анализах и зависит от способности аналитика использовать свой контрперенос в качестве своего рода чувствительного «приемного устройства»» (p.116). Подобные размышления, должно быть, были частью продолжающейся дискуссии между Розенфельдом и Бионом.

с этой новой мыслью Биона по мере того, как он развивал ее.

Практически все рассуждения Биона о любопытстве содержатся в двух его статьях 1957 года[10]. В следующей за ними статье «Теория мышления» (1962a), представленной четыре года спустя, и в его первой книге «*Научение через опыт переживаний*» (1962b) термин «любопытство» больше не играл роли, потому что, как я предполагаю, был включен в понятие *K*. Однако стоит отметить, что в разбросанных по тексту ссылках в «*Элементах психоанализа*» (1963) и «*Трансформациях*» (1965) Бион ясно выразил свое предположение о связи между *K* и любопытством. Например, в «*Элементах*» он идентифицировал любопытство с *K*-связью (1963, p. 46, fn.1), а в «*Трансформациях*» специально связал *K* с любопытством в противоположность другим «импульсам, эмоциям и инстинктам», которые он описывал как объединенные под общими значениями *L* и *H* (1965, p. 67)[11].

Если мы предположим, что младенец функционирует под влиянием импульса любопытства, а также под воздействием импульса к удовольствию и к избеганию боли, то я полагаю, что динамика развития будет заключаться в напряжении между соединением этих импульсов и их конфликтом.

Первые рассуждения Биона о любопытстве появились в его статье «О высокомерии» (1958), которая, к сожалению, была настолько плохо им отредактирована, что многие просто сбиваются с толку в попытках понять ее, что и неудивительно. Но здесь не место для подробного рассмотрения того, что, на мой взгляд, является не только малопонятной статьей Биона, но и интригующе личной. Вместо этого, я попытаюсь сделать краткое резюме. Бион предполагал, что упоминание пациентами в анализе *любопытства*, *высокомерия* и *глупости* наряду с негативной терапевтической реакцией свидетельствуют о психологической катастрофе. В основе этой беды лежит особая форма внутреннего объекта, который пациент Биона назвал «преграждающим объектом» или «преграждающей силой».

Если в анализе пациент идентифицировал Биона с этой преграждающей силой, то он воспринимал его как кого-то, кто был любопытен, но «не мог выдержать роли

10 Я предпочитаю ссылаться на фундаментальные работы Биона по датам их первой презентации, поскольку это дает более ясную перспективу их связи друг с другом, а также процесса развития мышления Биона. Я подробно останавливаюсь на этом в комментарии, который я пишу к ранним работам Биона под временным названием «Бион и не только: диалог с ранними работами У.Р. Биона».

11 Я не хочу придавать слишком большое значение таким ссылкам, поскольку Бион не был всегда последователен в использовании терминологии. Более важным доводом, подтверждающим эту связь, как я уже подчеркивал, является внутренняя правдоподобность существования связи между К и любопытством, как клинически, так и теоретически.

Драйв к познанию является врожденным инстинктом эго.

вместилища для частей его личности и соответственно предпринимал деструктивные и калечащие атаки, - в основном посредством различных проявлений тупости, - на способность [пациента] к проективной идентификации» (1958, p. 146). Отметив, что предположения о любопытстве и глупости то нарастают, то уменьшаются, Бион пришел к поразительному выводу:

«По-видимому, в той мере, в которой я, как аналитик, настаивал на вербальном общении, как на способе сделать проблемы пациента явными, я ощущал, что напрямую атакую его способы коммуникации… Пациент воспринимал мое вербальное общение как атаку, калечащую его методы коммуникации» (p. 146).

Я думаю, что догадка Биона о том, что настойчивость аналитика на вербальном общении является атакой на способ коммуникации пациента, приобрела для него новые смыслы тогда, когда он начал мыслить в терминах «гипотетической реконструкции» опыта младенца[12]. Бион представил себя свидетелем «очень ранней сцены», когда пациент, будучи младенцем, переживал как мать, которая внешне «должным образом отвечала на эмоциональные проявления ребенка», как будто с нетерпением повторяла про себя: «Я не знаю, что с ним случилось» (1959, pp.312-3). Несложно представить, как сильно она хотела, чтобы младенец общался с ней словами, рассказывая, что с ним не так. Но трудно представить, что она была настолько «глупа», чтобы ожидать этого, не говоря уже о том, чтобы настаивать на этом.

В своих статьях «О высокомерии» и «Атака на связи» Бион ясно дал понять, что проблема гораздо серьезнее, чем просто неспособность матери выдерживать способ коммуникации младенца. Катастрофа, о которой Бион говорил в статье «О высокомерии», заключается в интернализации младенцем обструктивного (преграждающего) объекта. В работе «Психоаналитическое исследование мышления» он описал это так: «Установление внутри отвергающего-все-проективные-идентификации-объекта означает, что вместо понимающего объекта внутри возникает намеренно непонимающий объект, с которым младенец идентифицируется» (1962a, p. 309). В статье «Атака на связи» Бион также писал: «В результате в пациенте «устанавливается» объект, который выполняет функции суперэго, сурового и разрушительного в отношении эго» (1959, p. 314). Это является катастрофой по целому ряду причин, которые включают, прежде всего, воздействие на любопытство младенца. Бион предположил, что младенец использует проективную идентификацию, чтобы исследовать то, что вызывает его любопытство, особенно его «собственные ощущения», которые впоследствии он будет воспринимать как эмоции. Неспособность этого «отвергающего-все-проективные-идентификации-объекта» принять то, что младенец проецирует на него, делает его «внутренне враждебным»

12 Бион запоминающимся образом охарактеризовал это восприятие в «Атаке на связи» как реконструкцию, отмечая, что это было ответом всем тем, кто возражал против слишком сильного акцента на переносе (в Кляйнианском подходе), за исключением реконструкции ранних воспоминаний (1959, p. 313).

Расщепление и проективная идентификация являются деструктивными атаками на вербальное мышление. Поскольку вербальное мышление «необходимо для осознания внутренней и внешней реальности», подобные разрушительные атаки затрудняют коммуникацию между пациентом и аналитиком и даже делают ее невозможной.

к любопытству младенца. А поскольку всякое обучение младенца зависит от импульса любопытства, результатом становится невозможность его нормального развития.

Пожалуй, мы можем оставить в стороне заблуждение о том, что Бион якобы говорил, что стремление к истине любой ценой – это высокомерие или губительная гордыня. То, что Бион описывал, было его *собственной* губительной гордыней в те моменты аналитических сессий, когда он не мог воспринять проекции пациента, высокомерно полагая, что эти проекции были просто атакой на вербальное общение. Что же касается его взгляда на Эдип, то необходимо отметить, что в работе «О высокомерии» Бион изобразил Эдипа в роли, аналогичной роли аналитика, который передает пациенту решимость обнаружить истину любой ценой, но при этом не может или не хочет принять эмоциональные опыт, который, в свою очередь, может быть истиной этого поиска. Не исключено, что все зависит от того, как мы интерпретируем пьесу Софокла, то есть, считаем ли мы, что Эдип признавал или не признавал эмоциональный опыт своих исканий. Я предполагаю, что с психоаналитической точки зрения, трактование нами мифа целиком зависит от нашей оценки его внутренних объектов.

Одно из величайших достижений Биона состоит в том, что он показал, что выдерживать эмоции, которые кажутся невыносимыми, это задача внутреннего контейнирующего объекта, поскольку ни младенец, ни взрослый ни в одном из нас не способен справиться с этим в одиночку. Так было и с Эдипом, чье стремление узнать истину любой ценой, означало, что ему пришлось выносить эмоции, связанные с осознаванием того, что он убил своего отца, а потом женился на собственной матери, которая родила ему детей. Был ли он высокомерным? Считал ли он, что сможет справиться с эмоциональными «последствиями», узнав то, что стремился узнать? Означало ли его само-ослепление то, что у него отсутствовал внутренний объект, который бы выдержал столь ошеломляющую реальность? Можем ли мы сказать, что Иокаста не могла быть таким объектом для своего сына/мужа, и что она не могла помочь ему справиться с открывшейся правдой, потому что у нее самой не было внутреннего контейнирующего объекта?[13] В любом случае, наше мнение о том, что говорил Бион, должно учитывать его

13 Я думаю, что в рамках нашего исследования мы должны рассмотреть, может ли контейнирование иметь различные значения в разных культурах. Это сложная тема, которая заслуживает дальнейшего изучения. Например, то, как Леонт справился с (подобным Эдиповому) горем и раскаянием в «Зимней сказке» Шекспира, является поучительным сравнением, которое могло бы быть частью такого исследования.

комментарии, которые он сделал, например, в книге «*Элементы психоанализа*»: «Эдип представляет собой триумф настойчивого любопытства над испугом, и, таким образом, может быть использован в качестве символа научной добросовестности, или инструмента для исследования» (1963, p. 49).

Бион создал концептуальную основу для идеи о том, что проективная идентификация может функционировать как форма примитивной коммуникации.

Также я хотел бы обратить внимание на клиническую виньетку из статьи Герберта Розенфельда 1947 года, описывающую опыт пациента, с которым я, и, несомненно, большинство читателей, сталкивались неоднократно. Я решил привести эту виньетку Розенфельда по двум причинам. Во-первых, я полагаю, что Бион был знаком с этой статьей, и она могла вызвать у него, по всей видимости, бессознательные отклики, поскольку на тот момент он уже находился в анализе у Мелани Кляйн, а также был коллегой Розенфельда по исследовательской работе, посвященной психотическим пациентам. Во-вторых, пациентка Розенфельда затрагивает самую суть изучаемого нами вопроса.

«На протяжении всего анализа у нее (у пациентки Розенфельда) было большое желание задавать вопросы, но она задавала только некоторые из них, потому что знала, что я буду их интерпретировать, а она терпеть этого не могла. Улучшение также проявилось в ее усилившейся способности задавать вопросы, которые сами по себе являлись важным источником информации о ее желаниях и тревогах, а также проливали свет на ее реакции на фрустрацию. Как только я начинал интерпретировать вопрос, она тут же жаловалась на чувство омертвения или не могла вспомнить, о чем она спрашивала. Такое повторялось часто, пока однажды она не осознала и не призналась, что требует от меня немедленного ответа. Она сказала, что раздражается и напрягается. Какой смысл задавать вопросы, если на них всё равно не получишь ответа? После этого она погрузилась в долгое молчание. Когда я сказал, что она избавилась от своих чувств, она ответила, что рада, что не чувствует никакого напряжения. Но вскоре после этого она показала свое понимание опасности этого механизма, промолвив: «Если бы человек хотел избавиться от своего любопытства, то он бы просто умер, потому что у него не было бы желания жить. Это не значит, что человек хочет умереть; он просто умирает» (1947, p. 136).

КОНТЕЙНЕР-В-К

Теперь я хотел бы рассмотреть две области, в которых Бионианская интерпретация «*K*-импульса» влияет на клиническую работу. Сначала нам надо понять, какую функцию несут *L, H* и *K*. Кое-что из того, что написал Бион, наводит нас на мысль, что он предложил поделить все эмоциональные связи на три категории, хотя можно усомниться в адекватности того, что эмоциональные связи можно представить всего тремя категориями. Бион хорошо осознавал эту проблему, колеблясь между тем, чтобы считать эти категории произвольными, и тем, чтобы настаивать на их необходимости. (1962b, pp.

42-4). Он говорил о «вводящей в заблуждение простоте», «степени ригидности», а также о «грубости и наивности» той схемы, которая не только ведет «несовершенный учет» эмоционального опыта сессии, но и говорит нам о том, что аналитики *должны ограничиться* этими тремя категориями (p. 44). Поэтому, я предлагаю уделить бо́льшее внимания идее, которая имеет как клинический, так и теоретический смысл, идее о том, что *L, H* и *K* используются для обозначения «ключа» к доминирующему эмоциональному переживанию в отношениях:

«Становится понятно, что использование аналитиком HKL[14] для того, чтобы определить «ключ» сессии, является не тем же самым, что использование им HKL для записи эмоционального опыта, и обеспечивает далеко не полный отчет о том, что произошло на самом деле» (p. 44).

В данной статье я предполагаю, что знаки *L, H* и *K* являются своего рода «ключом», в котором разыгрываются эмоциональные отношения, и в некотором смысле, напоминают понятие музыкального ключа. И, как мы уже поняли, Бион настаивал на том, что *K* является самым главным требованием для произведения под названием аналитическая сессия. Он утверждал, что «именно этот аспект определяет, что это психоанализ, а не что-то другое» (1963, p. 69).

Бион предполагал, что упоминание пациентами в анализе любопытства, высокомерия и глупости наряду с негативной терапевтической реакцией свидетельствуют о психологической катастрофе.

Важно отметить, что *K* можно расценивать как качественное развитие «импульса любопытства» в терминах познания объекта, которым является человек. Импульс любопытства в некотором смысле всегда направлен на объект, другими словами, это любопытство к чему-то. Однако, *K*-связь включает в себя потенциал моего любопытства по отношению к объекту, который сам интересуется мной. Или, учитывая представление Биона о потенциальных функциях проективной идентификации, объект, *в который* я проецирую, и *посредством которого* я могу исследовать свое любопытство, является объектом, функционирующим как *контейнер*. Далее я подробнее хотел бы остановиться на том, как мы понимаем функцию, которую Бион назвал «*контейнирование*».

Бион не использовал удобный термин «контейнер-в-*K*», хотя он упоминал «грудь в *K*» и «отношение контейнер-контейнируемое в *K*», или лучше сказать «контейнирование-в-*K*». Впрочем, «контейнирование-в-*K*» он обозначил с помощью символов «♂ ♀ в K» и назвал «симбиотическими отношениями» (1962b, p. 97). Конечно, можно сказать, что это не было бы контейнированием, если бы это не было *контейнированием-в-K*, и это как раз является тем вопросом, на котором я хочу сосредоточиться. Что это значит? Какое значение это имеет для понимания того, что *ключ*, доминирующая «тональность», относится к *K*?

14 Очевидно, что идея этой схемы только зарождалась в 1961-1962 годах, а L, H и K еще не стали формулой для Биона (если только это не очередная опечатка).

Жаль, что в рамках данной статьи не представляется возможным детально изучить эволюцию описаний Бионом того, что происходит в динамике контейнирования, хотя это было бы весьма интересно.

Вместо этого я просто подытожу его формулировки. Его описание в статье «О высокомерии» говорит о способности пациента «помещать» в него «плохие чувства» и «оставлять их там столь долго, сколько потребуется для их модификации в результате пребывания в психике [аналитика]» (1958, p. 146). В работе «Атака на связи» Бион повторил это описание, добавив, что он так быстро эвакуировал чувства, которые пациент спроецировал в него, что эти чувства не изменились, а стали более болезненными (1959, p. 312). Позже в той же статье он писал о способности матери встречаться со страхом младенца, при этом «сохраняя внешнее равновесие» (p. 313). В «Психоаналитическом исследова-

Бион предположил, что младенец использует проективную идентификацию, чтобы исследовать то, что вызывает его любопытство, особенно его «собственные ощущения», которые впоследствии он будет воспринимать как эмоции. Неспособность этого «отвергающего-все-проективные-идентификации-объекта» принять то, что младенец проецирует на него, делает его «внутренне враждебным» к любопытству младенца.

нии мышления» Бион изложил теорию, согласно которой ревери матери является психологическим «рецептором», связанным с ее способностью к α-функции (1962a, p. 309).

В книге «*Научение через опыт переживаний*» Бион предположил, что плохие чувства, особенно страх, «модифицируются» или удаляются (1962b, pp. 90, 96, 97). В «*Элементах психоанализа*» он ввел термин «детоксикация» и характеризовал его как устранение страха или «избыточной эмоции» (1963, p. 27). В книге «*Трансформации*» он повторил термин «детоксикация» с намеком на то, что это похоже на трансформацию переживания в стихотворную форму или на «воспоминание об эмоциях в состоянии спокойствия», другими словами, на то, что «болезненные эмоции становятся переносимыми» (1965, pp. 121, 125, 141).

К сожалению, ни одно из этих описаний не дает адекватного представления, а некоторые, я бы даже сказал, вводят в заблуждение. Для сравнения, я предлагаю прочтение Биона в другом ключе, которое подразумевает понимание того, как функционирует контейнер-в-*К*, когда поглощает спроецированные в него плохие чувства для того, чтобы «модифицировать» их, «удалить страх», или произвести «детоксикацию» этих проекций. Бион подразумевал, но никогда не говорил достаточно ясно о том, что контейнер делает это, оставаясь контейнером-в-*К*, желая знать и понимать, не избегая эмоций, а испытывая их, при этом сохраняя *К*-состояние-психики.

Модификация или детоксикация невыносимой эмоции не означает удаление или уменьшение этой эмоции, а также не является следствием проявления любви или стремления быть любимым. Она является следствием преобладания принципа

Катастрофа заключается в интернализации младенцем обструктивного (преграждающего) объекта.

реальности над принципом удовольствия, результатом встречи с *K*-состоянием-психики, которому присуще любопытство и желание *понять на собственном опыте* реальность «невыносимой» эмоции, а также последующей интернализации младенцем (или пациентом) подобного К-состояния психики.

Читатели могут задаться вопросом и о другом описании контейнера, которое сделал Бион, и которое мы также должны учитывать. Его можно найти в размышлениях о *ревери,* которые приводятся в книге «*Научение через опыт переживаний*» (1962b, pp. 35-6). Ревери тесно связано с самыми ранними формулировками Биона о том, что в итоге он решил назвать α-функцией: «работа сновидения», «α (альфа)», ревери, и наконец «работа-сновидения-α», прежде чем ненадолго вернуться к «вниманию» (1992, pp. 43-7, 53-5, 62-73). Важно отметить то, как Бион провел различие между материнской любовью и способом, или доминирующей тональностью, если хотите, выражения этой любви. Я понял Биона так: он считал, что *K*-импульс матери, ее любопытство, ее инстинкт к познанию, является *ключом* к контейнированию. Любовь безусловно важна, но, к счастью для человеческого развития *K*-импульс не только отличается, но и отделим от *L* и *H*. С точки зрения развития отдельного человека, а также человеческого рода в целом, ключом является врожденное стремление к любопытству, драйв узнать, понять.

Когда Бион размышлял о том, что происходит в консультационном кабинете аналитика, он четко указывал на доминирование *K*-состояния-психики, как мы это видели в самом начале статьи:

«Особенность психоаналитической сессии, а именно то, что делает ее психоанализом и ничем иным, заключается в использовании аналитиком всего материала для того, чтобы пролить свет на К связь. …Аналитик ограничен интерпретациями, выражающими К-отношения с пациентом. Они не должны отражать выражения L или H» (1963, pp. 69-70).

«В аналитической практике принято считать, что любовь или ненависть между аналитиком и пациентом не должна навязываться. А любопытство не может быть запрещено, если пациент и аналитик хотят узнать что-то новое» (1965, p. 70).

Наконец, Бион рассматривал проблему вторжения одной группы *импульсов*, *эмоций* и *инстинктов*, которые, он «сгруппировал» под категориями *L* и *H* (импульсы притяжения или отвращения), в другую группу *импульсов*, *эмоций* и *инстинктов*, которую он ассоциировал с *K* (импульсом любопытства). «Я связал *K* с любопытством, но нам необходимо рассмотреть и другие импульсы, эмоции и инстинкты … а именно, те феномены, которые я сгруппировал вместе как *L* и *H*. А также мы должны рассмотреть последствия вторжения одной группы в другую» (p. 67). «Частью общего опыта является то, что сильные чувства любви и ненависти влияют на способность различать и учиться… это происходит тогда, когда *L* или *H* проявляются в том, что должно быть *K* связью» (p. 70).

Я думаю, что Бион указывал на потенциальный конфликт между двумя этими группами эмоционального опыта: *L*/*H* с одной стороны и *K* с другой. И этот конфликт, я считаю, параллелен дихотомии между принципом удовольствия и принципом реальности.

Существует ключевое различие между конструктивной связью *L* с *K* и деструктивным вторжением *L* в *K*, оно заключается в том, что в итоге преобладает *K*. Бион писал об этом в конце книги «*Научение через опыт переживаний*», называя контейнер-в-*K* «симбиотическим» (подразумевая, что и контейнер, и контейнируемое извлекают пользу и развиваются). *L* и *H* он называл «факторами, а значит подчиненными» (1962b, pp. 90-1). Но здесь есть одна сложность – это термин *L*. На более примитивном уровне *L* почти всегда функционирует под властью принципа удовольствия. Однако, в более развитой форме *L* практически полностью признает доминирование *K*-состояние-психики, следуя его собственному интересу познания любимого (другого).

> Одно из величайших достижений Биона состоит в том, что он показал, что выдерживать эмоции, которые кажутся невыносимыми, это задача внутреннего контейнирующего объекта, поскольку ни младенец, ни взрослый ни в одном из нас не способен справиться с этим в одиночку.

На самом деле, формула Биона «контейнер-в-*K*» является единственным способом познания другого, человека, который в принципе недоступен познанию иными способами, кроме самораскрытия. В то время, как *L* может выступать конструктивным выражением *K*-связи с другим человеком, я снова указываю на очевидное, преобладание *K* над *L* может быть неконтейнирующим и потенциально опасным. Это возможно тогда, когда *L* не вызревает в форму *K*. Такая любовь, ставшая истинным познанием другого, готова пожертвовать собой в интересах этого другого. Связывание *L* с *K*-состоянием-психики является очень сильным переживанием, будь то кормящая мать и ее младенец, или двое взрослых, «влюбленных друг в друга». Мы испытываем это, когда (вновь) обнаруживаем в себе объединение нашей младенческой способности к «*K*-импульсам» и к «*L*-импульсам». Вспомните графа Алмаши в «Английском пациенте», который хотел узнать географию тела своей возлюбленной, а именно впадинку у основания ее шеи (Ondaatje, 1992, p. 162). Если кто-то по-настоящему любопытен и хочет узнать вас, то это может быть очень эротическим переживанием. И это, без сомнения, является одной из причин эротического переноса в аналитическом процессе.

«K-ИМПУЛЬС» И МИНУС-K

Что же тогда происходит с тем, что Бион называл *минус-K*? Мы могли бы согласиться с ним в том, что «неизбежно возникает вопрос … почему феномен, представленный как *минус-K*, вообще должен существовать» (1962b, p. 96). Когда Бион рассматривал этот вопрос в книге «*Научение через опыт переживаний*», он фокусировался на зависти, как на эмоции, противоположной *K*-состоянию-психики. На это он ссылался также и ранее, в своей статье «О высокомерии», в которой представил то, что впоследствии стало понятием *K*:

«Косвенная цель психоанализа – добиться истины любой ценой – воспринимается как синоним претензий на способность аналитика контейнировать в себе выброшенные, отщепленные аспекты других личностей, сохраняя при этом сбалансированный взгляд на вещи. Это, кажется, является явным сигналом для вспышек зависти и ненависти» (1958, p. 145).

Поскольку зависть является одним из наиболее адекватно описанных феноменов в психоаналитической литературе, нет необходимости говорить о ней в данной статье.

Вместо этого я хочу сосредоточится на том, что можно рассматривать как странный способ определения сути того, что Бион подразумевал под *минус-К*. Как бы то ни было, идея о *вторжении* в *К*-состояние-психики импульсов и эмоций, характерных для связей в *ключе L* или *Н*, дает нам систематический и клинически полезный способ распознавания как едва различимых, так и более очевидных форм *минус-К*. Это еще раз говорит о том, что термин Биона «*минус-К*» следует определять как «*анти-К*», поскольку это не отсутствие *К*, а искажение стремления к познанию.

В конечном счете, вторжение *L*- и *Н*-импульсов загрязняет любопытство, а также воздействует на импульс узнать правду об эмоциональном опыте, а это, в свою очередь, может разрушить способность различать то, что реально, а что нет. По иронии судьбы, Фрейд верил, что принцип реальности в итоге не свергает принцип удовольствия, а только обеспечивает его защиту, что подтверждается наукой, которая ближе всего подошла к победе над принципом удовольствия (1911, pp. 223-4). Однако, я считаю, что теория Биона о *К* ведет нас в другом направлении. Потому что, если бы принцип удовольствия доминировал на самом примитивном или на более развитом уровне, было бы сложно объяснить эволюцию человека. Для целей этой работы более важным является то, что именно *К*-состояние психики, и ничто другое, делает возможным переживание всего спектра человеческих эмоций.

Бион неоднократно подчеркивал, что именно ненависть к эмоциям лежит в основе психотических явлений (1959, p. 311). Парадоксальным образом определенные эмоции, такие как тревога, зависть и ненависть, атакуют и делают невозможным переживание других эмоций. На самом деле, возможно, во главе списка факторов *минус-К* нам следует поставить страх, а не зависть, страх того, что эмоциональный опыт будет непереносим. Хотя многое можно сказать о различных проявлениях *минус-К*, я хотел бы сосредоточиться на некоторых последствиях для мышления, которые влечет за собой вторжение импульсов *L* и *Н*.

> Эдип представляет собой триумф настойчивого любопытства над испугом, и, таким образом, может быть использован в качестве символа научной добросовестности, или инструмента для исследования»

Например, одной из самых коварных и распространенных форм *минус-К*, которые влияют на нашу повседневную клиническую работу, является *ответ*. Быть любопытным – это значит хотеть что-либо или кого-либо узнать. Для удобства давайте назовем истину, которую ищут, *ответом*. Я предполагаю, что существует два вида ответов, которые необязательно

К можно расценивать как качественное развитие «импульса любопытства» в терминах познания объекта, которым является человек. Импульс любопытства в некотором смысле всегда направлен на объект, другими словами, это любопытство к чему-то.

отличаются друг от друга какими-либо аспектами их формы, но распознаются по желаемому эмоциональному опыту, а также тому эмоциональному переживанию, который сопровождает ответ. Один вид *ответа* нацелен на удовлетворение от того, что вопросы прекращаются, отпадает необходимость искать истину, и, фактически, «сводится на нет» любопытство. Другой вид *ответа,* наоборот, поддерживает любопытство, как считал Бион, потому что сделанный вывод, или *ответ* становится новой гипотезой, или преконцепцией, предвкушением нового поиска. Как известно каждому ученому, хороший *ответ* порождает десятки новых вопросов.

Обсуждение этой формы *минус-К* встречается в трудах Биона в самых различных формах, знакомых всем нам: негативная способность, способность выдерживать неопределенность, важность сомнения и так далее. Основным критерием для всех них является постоянное живое любопытство, «*К*-импульс». Это не означает, что нам не дано знать, что *ответов* нет, если можно так выразиться, но выяснение истины только стимулирует дальнейший поиск, еще больше возбуждает любопытство. Опасность, которая существует в аналитическом процессе, заключается в том, что наши психоаналитические теории могут стать своего рода *ответом*, который доставляет нам *удовольствие от того, что у нас есть ответ*. Каждый учитель, как и каждый аналитик, хотя бы однажды испытывал искушение быть *тем, кто знает*.

Все это наводит меня на мысль, что в итоге функциональная структура *К*-состояния-психики очень близка к той функции, которую Бион резюмировал из описания Фрейдом тех изменений в психическом аппарате, которые произошли в связи с появлением принципа реальности. Бион сфокусировался на трех новых функциях, которые Фрейд изложил в своей работе «Два принципа психического функционирования»: на внимании, записи (памяти) и суждении (1911, pp. 220-1). Описывая сетку, Бион связал внимание и любопытство, но я полагаю, что более полное описание *К*-состояния психики должно учитывать все три функции – и внимание, и память, и суждение. В описании сетки, которое сделал Бион, все три связаны с критически важной функцией корреляции. Для того, чтобы изучить это утверждение надлежащим образом, нам потребуется рассмотреть понятие α-функции Биона, но это выходит за рамки данной работы.

Это возвращает нас к вопросу об эмоциональном опыте *К*. Если любопытство – это эмоциональный импульс, лежащий в основе *К,* желания знать, тогда мы сталкиваемся с потенциальной дилеммой в аналитическом процессе. Я предполагаю, что, если любопытство является импульсом или инстинктом, аналогичным и таким же основополагающим, как импульсы удовольствия/боли, то он явно не является вопросом выбора и не определяется намерением. Я либо чувствую боль или удовольствие, либо нет.

Мне нельзя предложить почувствовать боль. Аналогично этому, я либо чувствую любопытство, либо нет. В рамках консультационного кабинета аналитика это утверждение, в свою очередь, поднимает еще один интересный вопрос, на который Бион ответил следующее:

«Нарушение импульса любопытства, от которого зависит любое обучение …делает невозможным нормальное развитие. …Поэтому, когда появляется подходящий материал, *пациенту следует показать*, что он не заинтересован в понимании того, почему он чувствует себя так, как чувствует. *Прояснение ограниченности его любопытства* … приводит к некоторому изменению его поведения, которое в противном случае продлевает его страдания» (1959, p. 314, мой курсив).

Означает ли это, что пациентам нужно *показывать*, что они вовсе не заинтересованы в понимании того, почему они чувствуют себя именно так, как чувствуют? Что повлечет за собой прояснение ограниченности их любопытства? И почему «демонстрация» пациентам того, что они не проявляют интереса к своему собственному эмоциональному опыту, может привести к тому, что они вдруг захотят его познать, и окажутся в *K*-состоянии-психики?

Я предполагаю, что есть две особенно важные характеристики эмоционального импульса к любопытству, которые дают надежду каждому, кто стремится перейти в *K*-состояние-психики и оставаться в нем. Одна из них заключается в том, что любопытство имеет тенденцию быть заразным. В противном случае, я думаю, что психоанализ был бы невозможен. Это была бы некая форма инструктажа, *демонстрирующая* пациентам отсутствие у них любопытства, и *разъясняющая* отсутствие у них интереса к их собственному эмоциональному опыту. К счастью, возможно быть любопытным вместе с пациентами по поводу очевидного отсутствия у них любопытства к самим себе, в надежде, что они тоже начнут задаваться вопросами, потому что любопытство заразительно.

Вторая особенность эмоционального опыта любопытства тесно связана с первой. Предположим, я нахожусь на сессии с самой сложной из динамик и замечаю, что я больше не чувствую любопытства и не нахожусь в *K*-состоянии-психики. Если реальность такова, что я не чувствую любопытства, то говорить себе, что я должен быть любопытен, бесполезно. Но то, что я подмечаю, что мое внимание сосредоточено на наблюдении за собственным состоянием психики, дает мне шанс вызвать эмоциональный опыт любопытства в себе. Возможно, было бы лучше описать мое обращение к собственному состоянию психики, как осведомленность о внутреннем объекте, который любопытен ко мне и к отсутствию моего любопытства. Этот внутренний объект воспринимает мой страх, или зависть, или что угодно, и всё же остается в состоянии желания знать. Можно сказать, что внутренний *контейнер-в-К*, с которым я могу идентифицироваться и, таким образом, быть любопытным, желает знать.

В этом, несомненно, и заключается суть психоанализа, в открытости аналитика к эмоциональному опыту собственного желания познать пациента, тем самым позволяя пациенту внутренне осознать эту связь, желать и быть способным познать самого себя. Психоанализ – это эмоциональный опыт *K*, как, например, родительство, дружба, влюбленность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bion WR (1956). Development of schizophrenic thought. Int. J. Psycho-Anal. 37: 344-6.
2. Bion WR (1957). Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities. Int. J. Psycho-Anal. 38: 266-75.
3. Bion WR (1958). On arrogance. Int. J. Psycho-Anal. 39: 144-46.
4. Bion WR (1959). Attacks on linking. Int. J. Psycho-Anal. 40: 308-15.
5. Bion WR (1962a). The psycho-analytic study of thinking, Int. J. Psycho-Anal. 43: 306-10.
6. Bion WR (1962b). Learning from experience. London: Karnac, 1984. 111 p.
7. Bion WR (1963). Elements of psycho-analysis. London: Karnac, 1984. 110 p.
8. Bion WR (1965). Transformations. London: Karnac, 1984. 183 p.
9. Bion WR (1977). Seven servants: Four works. New York, NY: Aronson. 576 p.
10. Bion WR (1992). Cogitations. Bion F, editor. London: Karnac. 406 p.
11. Britton R (1998). Belief and imagination: Explorations in psychoanalysis. London: Routledge. 226 p.
12. Britton R (2003). Sex, death, and the super-ego: Experiences in psychoanalysis. London: Karnac. 196 p.
13. Freud S (1900). The interpretation of dreams. SE4-5.
14. Freud S (1905). Three essays on the theory of sexuality. SE7, p. 123-243.
15. Freud S (1909a). Analysis of a phobia in a five-year-old boy. SE10, p. 1-150.
16. Freud S (1909b). Notes upon a case of obsessional neurosis. SE10, p. SE10, p. 151-250.
17. Freud S (1911). Formulation on the two principles of mental functioning. SE12, p. 213-26.
18. Freud S (1913). The disposition to obsessional neurosis. SE12, p. 311-26.
19. Freud S (1916-7). Introductory lectures on psycho-analysis. SE15-6.
20. Grotstein J (2004). The seventh servant: The implications of a truth drive in Bion's theory of 'O'. Int. J. Psycho-Anal. 85: 1081-101.
21. Klein M (1923). The development of a child. Int. J. Psycho-Anal. 4: 419-74.
22. Klein M (1928). Early stages of the Oedipus conflict. Int. J. Psycho-Anal. 9: 9: 167-80.
23. Klein M (1930). The importance of symbol-formation in the development of the ego. Int. J. Psycho-Anal. 11: 24-39.
24. Ondaatje M (1992). The English patient. London: Picador, 1993. 307 p.
25. Rosenfeld H (1947). Analysis of a schizophrenic state with depersonalization. Int. J. Psycho-Anal. 28: 130-9.
26. Rosenfeld H (1952). Notes on the psycho-analysis of the super-ego conflict of an acute schizophrenic patient. Int. J. Psycho-Anal. 33: 111-31.
27. Shakespeare W (1963). The winter's tale [1623], Arden Edition, Pafford JHP, editor. London: Methuen. 225 p.

Перевод О. Гейгер